

Находка в Ведомше

28 мая (9 июня) 1880 года к дому № 32 по Ново-Московской улице (ныне улица Кардовского) в Переславле-Залесском было приковано внимание жителей не только этого города, но Владимира и даже Москвы и Петербурга. Обе стороны улицы около дома и прилегающие переулки были заставлены повозками, на которых сидели плачущие женщины и дети. Возле повозок стояли молодые и седобородые мужчины с суровыми лицами. Между ними важно расхаживали полицейские во главе с уездным исправником.

В 10 часов утра обширный зал дома Уездного земского собрания наполнился народом. Здесь собрался Владимирский окружной суд, чтобы судить 179 крестьян села Ведомши Переславского уезда за бунт и «неповиновение властям».

Присутствовавший на суде корреспондент московской газеты «Русский курьер» А. В. Смирнов в № 171 от 26 июня 1880 года так описал это судилище:

Суть дела состоит в том, что крестьяне села Ведомша, бывшие крепостные г. Мина, в последние годы отказывались платить ему подать. По требованию г. Мина начальство вынуждено было приступить к описи имения крестьян. Вот тут-то, в 1879 году, и произошло „неповиновение“. Приехавших судебного пристава, а потом и самого исправника крестьяне не допустили к описи имения, сопровождая своё неповиновение различными угрозами. Мотивом к неповиновению было то, что доставшаяся им земля и малочисленна, и неудобна. Крестьяне заявляли опричинах неплатежа. Сначала как-то на это не обращали внимания, но потом, когда дело приняло острый характер, приступлено было к проверке жалоб крестьян. Земля действительно оказалась никуда негодной... Говорят, что и земля-то введена во владение не та, что значится в плане. Приехавший член из губернского по крестьянским делам присутствия обещал крестьянам, что дело будет решено в их пользу...

Исход дела был, конечно, печальный. На суде подтвердилось, что крестьяне были правы, но суд был дворянский, стоявший на страже интересов помещиков, и поэтому крестьяне были приговорены к тюремному заключению. Если принять во внимание, что 175 крестьян (четверо были оправданы как не жившие в селе) были в самое горячее время весенней страды оторваны от земли, можно себе представить, какой урон был нанесен их хозяйству этим приговором.

Вот в сущности и всё, что краеведы и историки знали об этом событии. Поиски в архивах материалов о бунте в селе Ведомша не привели ни к чему.

Тогда переславские краеведы отправились в Ведомшу.

...Поезд привёз нас к будущему социалистическому городу, а пока ещё поселку Кубринску. Между янтарными сосновыми стволами виднелись новые двухэтажные жилые дома, прямые улицы, здания детских садов, школы, больницы, клуба, гостиницы. Кубринск — центр торфопредприятия, которое само по себе заслуживает особого очерка. Но нас интересовала Ведомша, та самая, до которой можно было в старое время добраться только жарким летом или суровой зимой, когда дороги были проезжими, та Ведомша, про жителей которой говорили: «Что с него спрашивать? Он из Ведомши»...

В одном из первых домов нам указали на местного старожилу — Алексея Ивановича Пичушкина-Калязинцева.

Идем по деревенской улице. Почти сплошь новые дома, обшитые тёсом; с затейливыми крыльцами, террасами и светелками, ну, и, конечно, резными наличниками; издали видна телевизионная антенна; в центре, около колхозного клуба, — помост танцевальной площадки; по улице бежит автобус Нагорье—Загорск; висит афиша — «Сегодня эстрадный концерт».

Так вот она, Ведомша, где восемь-десять лет тому назад мужики поднялись против барина и властей!

Дедушка Алексей Калязинцев принял нас радушно. Для своих 89 лет он выглядит молодцом. На наши вопросы отвечает охотно.

— Как же, помню, хоть и мальчишкой был. Да из рассказов старших много узнал. Самого Мина уже не было, а были его сёстры. Одна из них приехала в село, да застряла в болоте в карете. Дорог не было. Прибегает её дворецкий Ефим Савельев Калаташин сгонять мужиков барыню выручать. Тогда боялись барыни. Пошли мужики. Побежал и я посмотреть. Был у нас дядя Аверьян, силач страшный. Он и выволок барыню. А барыня приехала с нас долги взыскивать.

Дедушка Алексей помолчал немного и продолжал:

— Прокурор приехал и прямо к попу отправился ночевать. С ним был исправник Бунин. На другой день согнали всех мужиков, поставили их на колени. Стали читать бумагу. А мужики закричали: «Не допустим!» Потом помню, что отец говорил дома: «Где же денег взять, последний лес на корню продали». Помню, как нас, ребят, из домов повыгоняли, а на дома замки повесили, чтобы полиция не входила. Мой отец больше всех на сходке кричал. Ему да ещё Матвею Кабанову, Гавриле Борисову, Алексею Пешеву и Ивану Шатилову больше всех и досталось.

Дедушка Алексей подробно рассказывал, как в конце концов полиция во главе с исправником и приставом была выгнана из села, и его рассказ совпадал с корреспонденцией А. В. Смирнова.

Краеведы записали рассказ и собрались было уходить, но Алексей Иванович остановил их:

— Погодите, милочки! — и куда-то ушел. Через минуту он вернулся, неся сверток, завернутый в тряпочку.

— Вот вам, в музей!

Развернув холстинку, краеведы ахнули: у них в руках был подлинный «Обвинительный акт товарища прокурора Владимирского окружного суда Н. А. Мясоедова по делу о крестьянах села Ведомши Переславского уезда Матвее Иванове Кабанове, Гавриле Кузьмине Борисове и прочих, обвиняемых в преступлении, предусмотренном 2 частью 273 статьи Уложения о наказаниях».

Простой русский крестьянин восемьдесят лет хранил этот исторический документ — свидетельство первого выступления крестьян села Ведомши Переславского уезда (теперь Нагорьевский район) против помещиков и произвола царских властей.

* * *

Вот о чём рассказывает эта старая пожелтевшая бумага с надорванными краями:

14 января 1879 года в село Ведомшу, Переславского уезда прибыл согласно предписанию местного уездного исправника пристав 2-го стана... Константинович для отображения имущества всех крестьян сказанного селения, описанного на предмет пополнения числящейся за крестьянами оброчной недоимки в количестве 8455 рублей. Для оказания помощи становому приставу в село Ведомшу были вызваны Вишняковский волостной старшина Иван Никитин Панов и полицейский урядник Григорий Иванов Тюкин. В присутствии названных лиц крестьяне отдать имущество отказались, заявляя приставу, что надел их должен быть переосвидетельствован и что оброка они платить не будут. Из показания названных лиц видно, что крестьяне всем селением окружили дом, откуда предполагалось первоначально взять имущество, и стали кричать: «Не дадим, что хотите делайте», когда же становой пристав пожелал пройти к дому, то крестьяне сплотились, стали стеной и не пропустили его. На основании этих данных к предварительному следствию были привлечены 146 крестьян села Ведомши (идёт перечисление фамилий).

Все они, не отрицая участия своего в сопротивлении становому приставу, объяснили, что они отказываются платить оброк, так как не имеют надлежащего надела, обеспечивающего их существование, и желают вследствие сего, чтобы им был отведён новый надел, а до тех пор они не будут в состоянии выплачивать требуемый с них оброк. После этого события по постановлению Владимирского губернского по крестьянским делам присутствия в село Ведомшу 26 мая отправился уездный исправник Бунин для той же цели, то есть отображения имущества, но крестьяне вторично и тем же способом... отказались исполнить требование исправника... В означенном вторичном сопротивлении приняли участие следующие 160 домохозяев села Ведомши (идёт перечисление фамилий).

Вышеназванные обвиняемые на допросе у судебного следователя виновными себя в преднамеренном с общего согласия неисполнении законных требований исправника признали, объяснив, что

они были вынуждены к этому крайней бедностью, при которой продажа последнего скота и иного имущества привела бы их к совершенному разорению.

На основании всего изложенного крестьяне с. Ведомша (перечисляются уже 179 фамилий) обвиняются в том, что по предварительному между собой сговору уклонились от лежавших на них обязанностей уплаты оброчной недоимки, а затем и выдачи по требованию полицейских властей принадлежащего им имущества. Преступление это предусмотрено ч. 2 ст. 273 Уложения о наказаниях, вследствие чего, за силой ст. 200 и 208 Устава Уголовного Судопроизводства и согласно определению Московской судебной палаты, состоявшемуся 24 августа с. г., названные лица предаются суду Владимирского окружного суда без участия присяжных заседателей.

Подписал: товарищ прокурора Н. Мясоедов.

Этот документ находится теперь в Переславском историко-художественном музее.

* * *

Из участников бунта, конечно, никого в живых не осталось. Но жива одна из «подстрекательниц», плач которой в защиту коровенки и кривоногого самовара повлиял на выступление Алексея Пешева-Ширшикова. Бабушке Акулине Пешевой пошёл 103-й год. Ее старость покойна и обеспечена.

Внуки бунтовавших мужиков почти все живут и работают либо в колхозе, либо на Ольховско-Батьковском торфопредприятии. И в социалистический поселок, будущий город Кубринск вложены не только их труд, но и борьба их отцов и дедов против помещиков и царского произвола. Ведомшинцы и кубринцы могут гордиться подвигом своих предков.